

ЛЮБИТЬ, БОЯТЬСЯ, УБИВАТЬ

Играли
в смерть,
погибли
по-настоящему

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Паша Синичкин, частный детектив

Анна и Сергей Литвиновы
Любить, бояться, убивать

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Любить, бояться, убивать / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2020 — (Паша Синичкин, частный детектив)

ISBN 978-5-04-112899-9

Танцовщица Ольга Польская ещё полгода назад едва не погибла в ледяных водах реки Великой. А теперь она актриса в квесте, основанном на реальных событиях из её собственной жизни. Ольга – бывшая клиентка детективного агентства Павла Синичкина и его помощницы Риммы. Сыщики решают посетить шоу как зрители, но уже вскоре им приходится опрашивать актёров в связи с убийством, что случилось прямо во время квеста. Все улики указывают на Ольгу, но детективы полагают, убить клиента мог любой. В том числе и страдающий аутизмом Ярослав Дорофеев, давно и безнадежно влюблённый в танцовщицу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112899-9

© Литвиновы А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Роза Хафизова	6
Константин Кулаев	8
Римма	15
Римма	19
Римма	21
Павел Синичкин	31
Павел Синичкин	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Витальевна Литвинова и Сергей Витальевич Литвинов

Любить, бояться, убивать

Авторы горячо благодарят наших замечательных консультантов – частного детектива Олега Пытова («Сыщик.ру»), а также Сергея Апоницкого, преподавателя Финансового университета при правительстве РФ, за неоценимую помощь в работе над романом.

Отдельная благодарность сотрудникам перфоманса «Хостел Инглвуд» – за подсказки и замечательную атмосферу.

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Роза Хафизова

Розу с детства дразнили цыганкой.

Впрочем, точной своей национальности девушка не знала. Мама про отца говорила туманно: «Он с Востока». Сама девочка папу никогда не видела. Но заочно его ненавидела. За то, что бросил. А больше всего – за внешность, что досталась ей от отца. За собственные жгуче-карие глаза, смуглое лицо и волосы, черные, словно перья вороны.

Роза всеми силами пыталась отречься от корней. Кожу отбеливала, брови высветляла, гриву все время порывалась отрезать и перекрасить.

Мать пеняла:

– Дурында. Крашенных блондинок – полный город. А у тебя все натуральное! Счастье свое не ценишь. Восточные женщины у мужчин в цене.

И правду сказать: мальчишки за Розой бегали. Всем классом. Одноклассниц презрительно именовали «плоскодонками», а к ее груди почти четвертого размера каждый норвил приложиться.

Розу бесило, когда лапают. Отгоняла назойливых кобелят, как могла. Но тех ее отпор еще больше раззадоривал, и Роза реально боялась: поймают, скрутят, возьмут силой.

Но в девятом классе случилось чудо.

Появился у них новенький. Высокий, сильный, стройный, ни единого прыща. На школьную форму плевал – ходил в олимпийке известного бренда. Уроками не утруждался. Что не так – сразу в глаз. Но к директору (как других) не таскали – парень оказался на особом положении, ибо профессионально играл в футбол и подавал большие надежды.

И из всех школьных красавиц выбрал Руслан – именно ее, Розу.

Одноклассницы завидовали, злились. Соблазняли новенького мини-юбками и прозрачными кофточками. «Звезде» нравилось: стоять в толпе девиц, слушать комплименты и лесть. На сборы частенько уезжал – оттуда не писал, не звонил. Розу уверял, что там они пашут, как звери, и компания исключительно мужская, но девушка все равно нервничала. Понимала: шаткая у нее любовь. Но как привязать любимого к себе – неразрывно?

И ревность вызывала (благо у самой поклонников достаточно), и приворот делала. Но сработал в итоге восточный, «родовой» метод. Прочие девчонки из себя гордых и независимых строили, а Роза всячески демонстрировала беспрекословную верность и повиновение.

Руслик шутил: «Приятно чувствовать себя падишахом». Иногда злоупотреблял – приказывал на весь класс:

– Женщина! Беги в буфет, булочку мне принеси.

И она бежала.

Мальчишкам не улыбалась. Юбки носила длинные. На физкультуре поверх майки олимпийку безразмерную надевала – Руслану не нравилось, когда прочие парни во главе с физруком на ее грудь пялятся.

И дома, когда Руслик в гости к ним приходил, прислуживала, словно собачка. Тапочки подать, куртку принять, плечи помассировать.

Розина мама пугала:

– Не растворяйся ты в нем! Больше любить не станет – только избалуешь.

Дочь огрызалась:

– Зато ты папу не баловала – он и сбежал.

– И твой сбежит, – каркала мать. – Он уже присматривает куда.

– Руслан никогда от меня не уйдет! – взрывалась Роза.

Но когда читала в Интернете биографии каких-нибудь Месси или Роналду, понимала: если добьется ее любимый подобных высот – однозначно сбежит. У богатых спортсменов стиль жизни такой: чтоб рядом обязательно крутая фотомодел ь и менять их, словно перчатки.

Одна надежда: футбольной звездой становится один мальчишка из миллиона. И совсем не факт, что именно Русику улыбнется удача.

Константин Кулаев

Мобильники на территории колонии-поселения были запрещены, но администрация прекрасно понимала: времена сейчас такие, что без связи хуже, чем без свободы. Константину Кулаеву – едва он прибыл к месту отбытия наказания – немедленно предложили купить аппарат. И показали тайник, куда его прятать на время обязательных, но не слишком тщательных обысков.

Товарищи по несчастью звонили женам, хлюпали носом на видеоконференциях с детьми и дурили головы романтическим дамочкам с сайтов знакомств.

А Константин супруге даже номера своего не сообщил. Не о чем говорить. И с дочкой общаться – тоже не возникало желания. Если вдруг ворохнется в сердце тоска-грусть – сразу вызывал в памяти картинку: как приходили на суд, сидели с брезгливыми лицами. Несомненно, стыдились – отца и мужа-преступника.

Странно у него получилось: общественное мнение целиком на его стороне, судья и даже прокурор откровенно сочувствовали. А самые близкие люди легко и с удовольствием вычеркнули из жизни.

Впрочем, когда семья еще формально существовала, они все равно делились на два почти враждебных клана. В одном – жена с дочкой, их глупенькая болтовня, общая косметика и совместные походы по магазинам. А Константин-старший целиком принадлежал сыну. Костику.

Мальчик страдал аутизмом, но болезнь не мешала ему рисовать удивительные, глубокие, потрясающие воображение картины.

Кулаев-отец прилагал все силы, чтобы максимально развить у ребенка талант и главное – включить его в нормальную жизнь. Венцом стала победа на Всероссийской художественной олимпиаде – на ней Костя соревновался с тысячами абсолютно нормальных детей.

А на следующий день сына убили¹.

Группа детей и их учитель-американец рисовали во дворе Центра реабилитации инвалидов *яблоню в предчувствии весны*. А ненавидящий «неполноценных» подросток Леня Симачев открыл по ним огонь.

Горе отца было безмерно, но виноватых он не искал. Да и судить некого – последнюю пулю убийца оставил себе.

Кулаев-старший просто пил, безнадежно пытался заглушить пустоту и тоску. И в мареве алкогольного бреда явился к нему искушитель. Он уверял: к убийству невинных детей учитель-американец еще как причастен. Больше того: именно он убийство и подстроил.

Константин, хотя и пьяный в стельку, не верил. Дик, нескладный, немного отрешенный, как все художники, совсем не походил на злодея. Но невесть откуда взявшийся демон приводил все новые и новые доказательства. Сообщил номер больницы, этаж и палату, где находился учитель, раненный во время расстрела. И Кулаев решил – просто пойти и поговорить.

Но объясниться не успели. Американец неприкрыто запаниковал, начал звать на помощь, попытался затеять драку. Кулаев опешил, с силой оттолкнул больного... и не учел, что спинка у кровати – железная.

Так он стал убийцей.

Сначала все шло к тому, что судить его станут по статье сто пятой, часть два, «В» – убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии. Сам Кулаев совершенно искренне говорил: ему все равно, пусть хоть пожизненное дают.

¹ Подробнее о судьбе Константина читайте в романе А. и С. Литвиновых «Брат ответит».

Но супруга (пусть подала немедленно на развод) в качестве прощального подарка наняла хорошего адвоката. Тот поднял вокруг резонансного дела шум. О Кулаеве писали, в его поддержку составляли петиции и проводили митинги.

В итоге сто пятая с потенциальным пожизненным обратилась в сто девятую, то бишь убийство по неосторожности – всего три года в колонии-поселении.

Своя одежда. Возможность гулять. Никаких решеток или овчарок. Но черноту на сердце легкие условия содержания никак не смягчали.

Кулаев продолжал всю жизнь, что его окружала, мерить *по Костику*. Печальный, кривой тополь во дворе – как бы сын его нарисовал? И как бы мальчик себя чувствовал, окажись – вдруг! – здесь рядом с ним?

Отец предположил: Костику бы в колонии даже понравилось. В душу никто особо не лезет. Монотонная, очень женская работа – шить перчатки – тоже пришлась бы сыну по душе. И бесконечную перловку – предмет постоянных причитаний прочих сидельцев – его ребенок любил.

По-хорошему, Кулаеву-старшему был нужен хороший психолог. А еще лучше – психиатр. Но подобных диковинок в штате колонии не имелось, и Константин с наслаждением продолжал растравлять свою рану. Каждый день после работы он уходил в укромный уголок. Подключал интернет, открывал поисковик. Вводил всегда одну и ту же фразу: «Расстрел в Центре реабилитации в Москве». Читал давно устаревшие новости.

Жадно разглядывал фотографии.

Он снова и снова возвращался в прошлое. Бесконечно представлял, как можно было бы изменить роковой день. И переживал, насколько быстро все забыли его сына – талантливого художника. При жизни мальчика всемирная паутина дружно трубила про «надежду русского искусства». А сейчас – ни единого упоминания.

* * *

С мужчинами танцовщице Ольге Польской не везло². Пока училась в хореографическом, а потом танцевала в Главном театре – поклонников имелось немало. Балерин мужчины любят. Но дальше конфет с букетами и пары совместных ночей не заходило.

Оля всегда была, словно струна натянутая. Вечный страх (потерять форму, вылететь из кордебалета в миманс, а то и вовсе прочь из Главного театра) не давал расслабиться ни на секунду. Мужчины, видно, чувствовали ее постоянное напряжение. А еще она, как многие неудачливые в личной жизни девушки, даже в мимолетном поклоннике сразу начинала искать идеал – опору, защитника, глыбу. Но молодые люди – пусть и влюблялись в красавицу-балерину – брать ее под опеку не спешили.

Ситуация изменилась, когда девушка покинула Главный театр и начала работать в Центре реабилитации инвалидов. Отравляющая жизнь боязнь (что хуже других, сначала поставят в последний ряд, а дальше и вовсе уволят) ее покинула. На новом месте Ольгу уважали и ценили. Она расслабилась, стерла с лица испуганное выражение – и почти сразу встретила принца. Случайно, в супермаркете.

Красавец Георгий Климко был родом из древнего города Пскова. На первый взгляд – богатырь, защитник. Мужчина при деле – свой ресторан имеется. Плюс известный охотник – сходить с ним на лося или кабана со всей страны приезжали. Говорил вкусно, сразу стал звать замуж и клясться, что будет холить-лелеять.

² Полную версию жизни, любви и приключений Ольги Польской читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Брат ответит».

Оля настолько обрадовалась неожиданному счастью, что ей даже в голову не пришло как-то Гришу проверять, узнавать детали его биографии. Зачем, если любовь? Да и на работе форс-мажор случился.

Она придумала и осуществила дерзкий проект – поставила с артистами-инвалидами авангардный, яркий балет. Спектакль прогремел, о премьере писали и говорили.

Но не всем в России нравится, когда у *иных* – действительно равные шансы. На Польскую ополчились поборники «чистоты расы».

Подбросили под дверь дохлую крысу, угрожали по телефону. А когда она повела своих артистов в Главный театр страны – и там достали. Грозили убить – прямо в гламурном фойе, фактически напротив Кремля!

Девушка перепугалась до смерти и немедленно позвонила Георгию. Тот, верный рыцарь, примчался по первому зову. Оля к моменту его приезда уже собрала чемоданы.

И пусть Псков обернулся деревней Прасковичи в десяти километрах от города, ресторан, которым Гоша владел, – плохонькой столовкой, а сам принц оказался судимым, ей все равно было с ним хорошо. Даже когда Климко ее бил, Оля не обижалась и не страдала. Понимала: он – хозяин, имеет право. Сама виновата, что не всегда может удержаться: то посетителю улыбнется, то с соседом слишком долго болтает.

Но даже в относительном счастье долго пожить не удалось: случилась новая катастрофа. Ранним утром на берегу реки Великой Ольгу пытались убить. На всю жизнь теперь с ней нечеловеческий страх, когда голова в ледяной воде, и пытаешься вырваться, но сильные руки безжалостны, воздуха меньше, меньше, нет совсем...

Врач на *происшествие* по крутому и грязному склону реки Великой решил не спускаться, отправил фельдшера и водителя с носилками. Те сочли ее мертвой. На счастье, в машине доктор потрудились «покойную» осмотреть. Только тогда спохватились, взялись наконец за реанимацию. Но из комы вывели лишь спустя двое суток, потом неделю держали в реанимации.

И пусть руки-ноги остались целыми, последствия клинической смерти казались непреодолимыми. Легочная и сердечная недостаточность, снижение мышечной координации, спазмы, эпилептические припадки – ведь мозг почти пятнадцать минут оставался без кислорода.

Но самое тяжелое – как повел себя Гоша.

Пока Ольга лежала в коме, видно, страшно боялся, что умрет и в смерти обвинят его. Тем более местным полицейским версия чрезвычайно нравилась. Плюс врачи поджившие синяки на теле девушки обнаружили, и соседи подтвердили: да, Климко сожительницу бил.

Но Оля еще толком в себя не пришла – бросилась любимого спасать. Настояла, чтобы в больницу пришел следователь, и заплетающимся после наркозов-лекарств языком дала показания: Георгий ни при чем.

Тот сначала возрадовался – благодарил, утешал, от постели не отходил, держал за руку. Но с каждым днем улыбался все меньше, ее измученного тела касался реже и почти брезгливо. Явно пообщался с врачами, оценил перспективы. И очень скоро ухнул:

– Извини, Оля, но я всю жизнь у твоей койки сидеть не могу. Мне жена здоровая нужна. И ушел.

Расписаться они не успели, и делить оказалось нечего.

Ольга впала в депрессию. Целый день лежала, уткнувшись носом в стену, отказывалась есть и отчаянно отбивалась, когда пытались кормить насильно.

Именно в этот наичернейший момент жизни из Москвы к ней в больницу явилась колоритная пара: помощница частного детектива Римма Парсунова и Ярик Дорофеев, безнадежно влюбленный в девушку аутист – из числа тех, кто принимал участие в ее балетной постановке.

Прежде балерина посмеивалась (про себя, а иногда даже вслух) над его чувствами. Но сейчас, полумертвая и безумно одинокая, с благодарностью позволила подростку-инвалиду быть рядом.

На парня ее благосклонность действовала исключительно благотворно. Раньше вел себя как полный придурок: беспомощный, истеричный. Говорил с трудом и невнятно. А здесь, в больнице, – подвиг за подвигом. Оля и подумать не могла, что в Ярославле скрыто столько талантов.

Починил безнадежно умерший телевизор в палате, подключил к нему ее телефон (тоже старенький) и каким-то образом заставил древнюю технику демонстрировать любимые балеты, да еще и в приличном качестве.

Если ей хотелось холодной воды – подавал *со льдом*. Когда она просила не самый популярный в Пскове фрукт кумкват – приносил свежайший, с листочками.

Римма поражалась не меньше:

– Его мать уверяла: «растение», нельзя его куда-то везти, вы с ним не справитесь! А Ярик – один! – по всему городу рыщет, чтобы тебе лучшие фрукты купить.

Парень не просто говорить стал куда более разборчиво, но и мысли высказывал дельные.

Убеждал Ольгу – надо уезжать из Пскова, где она чужая, долечиваться в Москве.

Римма поддакивала:

– И доктора в столице лучше.

Бывшая балерина послушалась. Приехали в столицу вместе.

Ярослав активно помогал обустроиться: придирчиво выбирал квартиру, искал массажистку и физиотерапевта, заваливал духоподъемными историями. Именно с его подачи Ольга впервые прочитала «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого и узнала историю Елены Бережной.³

Лучшей наградой за поддержку для парня стал бы секс. Ярик, бедняга, давно на нее слюни пускал. И если раньше его притязания были противны, то сейчас он не казался совсем уж никчемным. Да и других кандидатур в ее жалком положении все равно не предвиделось.

Но только один раз дашь – парень еще крепче прилепится. Будет мечтать, чтобы навсегда вместе.

Да, Ярослав красив, совершает в ее честь подвиги, но аутизм – это ведь на всю жизнь.

Свяжешься с инвалидом – сама такой останешься.

Семейка убогих. Ходить вместе под ручку в собес за пособиями и в сберкассау за пенсией.

А Ольга – хотя ей предлагали пойти на ВТЭК, биться за вторую группу – от государственной поддержки гордо отказалась. Пусть она без работы и без копейки, но признать себя *инвалидом* – будет еще хуже.

Деньги пока брала у Ярика. Что такого, если парень приносит сам и клянется, что ему все равно не надо? Мать, уверял, взялась за ум, работает, не пьет – кормит, обстирывает, одевает. Куда ему свою немаленькую пенсию тратить?

А уже в Москве у Оли второй источник дохода обнаружился. Оказалось, что еще с тех времен, когда девушка в Центре реабилитации инвалидов служила, у нее осталась страховка. И хотя она уволилась оттуда практически со скандалом, директриса, Анжела Валерьевна, договор со страховой компанией не расторгла – то ли пожалела бывшую сотрудницу, то ли (что вероятнее) просто закрутилась и забыла. Получи Ольга инвалидность – ей бы сумма с пятью нулями досталась. Но и по обычной справке с целым перечнем диагнозов выплатили прилично. Хватило на съемную квартиру и на пару месяцев просто отдыхать и осматриваться. (О том, чтобы

³ В 1993 году при исполнении сложного элемента на тренировке партнер спортсменки попал острием конька ей в висок. Удар был настолько сильным, что осколки кости повредили оболочку мозга. Елена училась заново ходить и говорить, но смогла вернуться в спорт и завоевала множество престижных наград.

вернуться к матери с отчимом и слушать их квохтанье вперемешку с упреками, девушка даже помыслить не могла).

Работу – куда она убогенькая, с головокружениями и тиком – Ольга решила не искать. Прежде нужно встать, в прямом смысле, на ноги, а для того использовать все возможные методы.

Рвущегося ей помогать Ярослава она отправила в интернет – изучать народные и официальные способы излечения. Все его рекомендации добросовестно выполняла: пила таблетки с неведомыми названиями, принимала ванны со всяческими добавками, заказывала в Кисловодске, а потом настаивала на водке чудодейственный черный гриб.

Но больше верила не в медикаменты, а в спорт. И терзала себя – почти как в хореографическом училище, по пять-шесть часов в день.

Ярик раскопал статистику: занятия на свежем воздухе в полтора раза эффективнее, чем в квартире, так что Оля ходила тренироваться в ближайший парк.

Любопытных и жалеющих взглядов не выносила, поэтому завела себе правило: начинать занятия не позже шести утра. Поначалу зевала, злилась, но быстро привыкла и удивлялась: почему остальной народ дрыхнет в столь прекрасное время? Воздух нежен и свеж, птицы энергичны, солнце не шпарит, а бережно гладит макушку. И ветер по утрам похож на морской бриз, слезы под ним высыхают мгновенно.

А плакать ей приходилось почти всю тренировку. Один из диагнозов, «снижение мышечной координации» – звучал вроде не слишком страшно. А на деле: ты не ощущаешь под собой поверхности и не чувствуешь ног. Плюс постоянно теряешь равновесие и всегда кружится голова.

В больнице сказали, что теперь ее удел – до гробовой доски! – аккуратно и медленно передвигаться с палочкой.

Ольга твердо решила: глупость. Летчик Маресьев на протезах танцевал и самолетом управлял, а у нее конечности на месте. Плюс бэкграунд балетный – привыкла тренироваться через боль. И Ярик убеждает: что она сильная, справится, переборет увечье.

Врачи советовали: начинать с простой ходьбы. Оля решительно заменила ее на пусть медленный, но бег. Со стороны, наверно, зрелище утомительное – ее постоянно «вело» в сторону. То падала, то головой об дерево прикладывалась.

А с привычнойшей когда-то растяжкой еще смешнее. Как, к примеру, тянуть ногу, если даже в руки ее не можешь взять – конечность в глазах двоится, а то и троится?! Исхитрялась, привязывала к себе ремешки. Тело – деревянное, непослушное. В ушах звенит, пот заливает глаза, редкие по раннему времени собачники или бегуны смотрят *особым взглядом*.

Ольге довелось работать с инвалидами, и она хорошо знала эту смесь во взоре – когда одновременно презрение, жалость и превосходство. Стоило помучить себя, потерпеть – чтобы стать нормальной.

Она или снова воскреснет – или опять умрет.

Для занятий девушка старалась выбирать самые укромные уголки, но в Москве от народа даже в огромном парке не скроешься. Спасибо хотя бы, что не останавливаются пялиться, как в Пскове – свистят своим собакам, спешат пробежать мимо.

Но однажды – дело было в середине июля – в ее чашу пожаловал спортсмен. Да какой – рослый, поджарый, каждая мышца прорисована. Ольга как раз пыталась сделать некогда элементарный «мостик» – в позорном варианте, с земли! – но руки постоянно подгибались, ноги разъезжались, и больше всего она испугалась, что красавец сейчас не удержится, рассмеется.

Тот поначалу и вправду улыбнулся. Прокомментировал весело:

– Ты с похмелья, что ли?

Но встретил Ольгин уничижительный взгляд, углядел ее инвалидную палку и сразу перестал веселиться. Пробормотал:

– Прости.

А дальше деловито предложил:

– Как я могу помочь?

– Исчезни и не мешай, – процедила она.

Она еще будет общаться с красавцами – но на равных и несколько позже.

Однако молодой человек подчиниться и не подумал. Молвил деловито:

– Я однажды вообще позвоночник ломал. Спорю, что ли: обидно ползать, как краб. Мне очень помогла инструктор по ЛФК. Старая, злющая бабка. Тебе повезло больше. Я красивый и добрый.

Оля села на коврик, проворчала:

– Ступай себе мимо.

И подумала: «Жаль будет, если уйдет». Глаза у него классные – светло-голубые, как лед ранней весной. И ресницы золотые. Один танцор в их Главном театре себе такие специально наращивал. Но у нового знакомого красота, несомненно, натуральная.

Ольга порадовалась, что болезнь не коснулась ее лебединой шеи и гордой посадки головы.

Парень хмыкнул:

– От меня так просто не отделаешься. Давай знакомиться. Начинаящий, но очень профессиональный реабилитолог Роман Валерьевич Воскобоев.

– А я просто Ольга, – вздохнула она.

– Когда начнешь бегать со мной «трешку» – хотя бы минут за двадцать – тоже сможешь называть меня Ромой, – милостиво позволил он.

– В жизни я на время бегать не буду, – фыркнула девушка. Не удержалась, добавила: – Я когда-то была балериной, так что от кроссов бог миловал.

– А теперь никуда не денешься, – хмыкнул новый знакомый. – Брюс Ли считал: если не умеешь бегать, тебе нечего делать в спорте. Я с ним согласен.

– Но я не хочу становиться спортсменкой, – не очень уверенно произнесла Ольга.

Роман улыбнулся – жестко, одними губами:

– Во-первых, не спорь со мной. А во-вторых, бег «через не могу» – единственный вариант повысить выносливость. Тоже Брюс говорил.

– Ты его фанат?

– Нет. Я просто люблю читать биографии тех людей, кто сам себя вылепил. Но ты не волнуйся. До кроссов тебе еще далеко. И делать в твоём состоянии мостик – тоже неразумно. Давай начнем с отжиманий. Не от пола, конечно.

Оля ненавидела отжиматься. Но глупое упражнение давало возможность продемонстрировать идеальной формы предплечья и кисти, поэтому спорить девушка не стала.

– Как скажешь, – покорно отозвалась.

Роман скомандовал:

– Встань на колени, обопрись о бревно и попробуй согнуть руки. Есть! Классно!

Оля горько усмехнулась: он обращается с ней, как с настоящей инвалидкой.

Сцепила зубы и отжалась еще десять раз. На одиннадцатый в голове зашумело, руки подогнулись, и она бы приложилась лицом о дерево, но тренер успел подхватить. Выкрикнул с оптимизмом:

– Умничка! Я знал, что ты сможешь!

Утро понемногу разгоралось, птицы орали по-летнему нагло, шум машин за пределами парка становился все громче. Роман на ходу составлял план тренировок, фонтанировал идеями. А Ольга вдруг услышала – чей-то то ли вздох, то ли стон.

Резко обернулась: из кустов, метрах в тридцати позади, бросился прочь человек.

Кто такой – со спины не разглядишь. Но привычный глазу черный наряд и отросшие до плеч волосы не оставляли сомнений.

То был Ярик.

Ходит за ней. Специально с другого конца Москвы приезжает, чтобы только *полюбоваться*. Быть рядом. Охранять.

Но, похоже, его дерзновенным планам обратиться из верной собачки в любимого мужчину сбыться так и не суждено. Потому что красавец-спортсмен с золотыми ресницами совсем не чета несчастному инвалиду. А Роман, несомненно, на нее запал.

Римма

Август для детективной деятельности – месяц тухлый, и Паша Синичкин себя присутствием в офисе не утруждал. Умотать без меня куда-нибудь в Мексику или в Ниццу, правда, не решился. Но на работу являлся изредка, чисто чайку попить, и ночевать у меня оставался все реже. То рыбалка у него, то скутеры, то горные лыжи осваивает в каком-то туннеле с искусственным снегом.

Логично, конечно: расслабиться, пока серьезных клиентов нет. Однако я подозревала, что развлекается Пашенька далеко не всегда в мужской компании. А на скутерах с горными лыжами многие хищницы специально кататься учатся, чтоб выгодную партию словить.

Но не опускаться же до слежки за собственным шефом! Тем более в офисе все равно кто-то должен присутствовать. Лето – не лето, а два небольших заказа недавно были.

Нервному юноше с лицом Достоевского я помогла найти попутчицу из «Сапсана», мчавшего в Петербург (парень все четыре часа пути планировал сам попросить у девушки с соседнего кресла телефон, да так и не решился).

А печальную женщину я спасла от мошенников или даже от уголовной статьи.

У горемыки болела мама. Обычные болеутоляющие не помогали, а те, что продаются по красным рецептам (и подлежат очень строгому учету), врач не выписывал. Считал: пациентка может потерпеть.

Но в интернете предложения сильнодействующих лекарств имелись. И дочь пришла посоветоваться: можно ли на них откликаться?

Я побеспокоила Пашу (в этот день он осваивал яхтинг), помониторила ситуацию сама, и вместе мы быстро выяснили: есть только два варианта.

Отдать мошенникам деньги авансом – и просто не увидеть никаких лекарств. Или – попасть на полицейскую засаду и загреметь по 228-й статье. Реальный срок не дадут, но судимость и штраф за незаконное приобретение запрещенных веществ тоже не самые радостные события.

– Как же мне тогда с мамой быть? – закручинилась клиентка. – Может, взятку врачу предложить, чтобы все-таки рецепт выписал?

Но мы нашли иной выход.

У Пашиного знакомого недавно скончался от рака отец. Синичкин позвонил приятелю, в очередной раз выразил соболезнования и осторожно поинтересовался: не осталось ли после смерти родителя серьезных лекарств?

– Валяется что-то, – отозвался знакомый. – Я хотел в онкодиспансер сдать, да закрутился. А они сами вернуть не просили.

В итоге *незаконную транспортировку запрещенных веществ* осуществила я.

Женщина долго и радостно благодарила, пыталась деньги совать. Но мы с Пашей никогда не берем платы с тех, кто в совсем отчаянной ситуации.

– Доброе дело сделали – значит, скоро нормальные клиенты придут. Хлебные, – заверил меня Синичкин.

И на следующий день заказчик действительно явился. Им оказалась моя давняя знакомая – Ольга Польская.

Узнала я ее не сразу. Раньше она совсем в иных образах передо мной представала. То балерина с идеальным пучком, то, удивительным контрастом, посудомойка с небрежным хвостиком. Страстная леди с гривой волос, плещущихся на ветру. Инвалид с уродливой больничной стрижкой...

Сегодня – пожалуй, впервые – она выглядела обычной девушкой, одной из толпы. Заурядные джинсы, в весе слегка прибавила.

– Оля! – Я не удержалась от эмоций, вскочила ей навстречу. – Как я рада тебя видеть! Девушка взглянула недоверчиво – нечасто, видно, ей кто-то радуется.

Но ответила на объятие, а потом уткнулась носом мне в шею и всхлипнула.

– Олечка! – перепугалась я. – Что случилось?

Она всхлипнула еще громче – и с несомненным удовольствием.

Паша выскочил из кабинета, мигом оценил ситуацию. Решительно перехватил Ольгу из моих рук, усадил на диван и уверенно обнял, а мне велел:

– Быстро воды!

Будто без него не догадалась.

Девушка успокоилась. Опустошила стакан, откинулась на спинку дивана, убедилась, что мы – зрители – затаили дыхание и внимаем. А потом (не утратила она все-таки сценического мастерства) торжественно произнесла:

– Что мне сделать, чтобы его остановить?

– Кого? – спокойно спросил Синичкин.

– Ярика. Ярослава Дорофеева.

* * *

Похоже, Рома на нее серьезно глаз положил. С чего бы иначе мотался каждый день на выселки, в Лианозовский лесопарк, из своих Сокольников?

С утра добросовестно впахивал ее личным тренером. Потом отправлялись к Оле на съемную квартиру, она готовила завтрак. И Рома редко уезжал сразу. Болтали, очень скоро последовал поцелуй, а через пару дней и бережный, словно она хрустальная, секс. Любовником спортсмен оказался умелым. И человеком чутким. Когда понял, что Ольга страшно стесняется своих непослушных рук и ног, а в момент оргазма у нее перед глазами все плывет (видно, давление падает), пыл поумерил. Часто ограничивался только поцелуями.

Иногда доставал лэптоп – Ольга тогда ходила на цыпочках.

Роман – хотя тело холил и выглядел профессиональным атлетом – оказался человеком творческой профессии. Окончил режиссерский факультет ВГИКа. Собственных фильмов, правда, пока не имел – только выпускной (Ольга посмотрела – добротный, довольно страшный «хоррор»). Сейчас служил разработчиком сюжетов в большой продюсерской компании, какие-то сериалы, над которыми он трудился, с переменным успехом шли по телевизору. Но – как положено всем, кто связан с кино, – в настоящий момент Роман работал над «бомбой». Детали хранил в секрете – даже от Оли. Боялся взглянуть. Сказал только: «Если получится – всю Москву взорву!»

Она еще про себя удивилась – почему только Москву? Но подробности выпытывать не стала.

Все, кто болен, становятся эгоистами. И куда больше Олю сейчас занимала *она сама*. Поскорее бы обрести – прямую спину, легкость в движениях, блеск в глазах!

Ближе к обеду Роман уходил – его сценарная группа обычно сползлась в офис продюсерской компании к двум. А Оля – уже в одиночку – продолжала терзать тело гимнастикой. Часам к пяти, совершенно без сил, падала в постель и пыталась уснуть, но чаще просто лежала, постанывала, глотала обезболивающее – мышцы болели неимоверно. И только часам к девяти вечера приходила в *полунорму*. Могла встать. Одеться. Дошаркать до магазина. Рома любил сыр, орехи, виноград, и она заранее заботилась, чтобы ни один их совместный завтрак не обходился без его любимых продуктов.

Бибирево – район довольно мрачный. Но недавно в нем появился супермаркет немецкой сети. Выглядел, будто пришелец из другого мира. Яркое пятно в скуке и грязи девятиэтажек. Изобилие фруктов, без счета рокфоров с пармезанами, целые полки миндалей-фундуков. И

никто не дышит в затылок, не мешает спокойно выбрать – народ в основном толчется в других отделах – там, где спиртное и немудрящая закуска.

По утрам Бибирево мало отличалось от других столичных спальных районов. Кто на работу спешит, кто детей в садик тащит. Но вечерами – Оле казалось – здесь ни единого приличного человека. Все или пьяные, или готовы набраться, или уже с похмелья.

Когда шла из магазина домой – по узкой, худо освещенной улочке – всегда боялась: пристанет какой-нибудь алкаш.

Но до поры обходилось, и Оля (противоречивы все-таки женщины) даже переживать начала: неужели она сейчас настолько страшная, что даже когда *много водки*, на нее мужики не смотрят?

Вот и накаркала: вчера дорогу ей преградили двое. Дышат перегаром, рожи красные, улыбки кошачьи, масляные:

– Скучаешь, красавица?

– Не скучаю. У меня муж дома. Дайте пройти, – отрезала она.

А дядьки (оба в отцы ей годятся, если не в деды) не отстают:

– Ха! Муж! Хороший муж ночью одну не отпустит!

И лапы распускают – один за руку схватил, второй за плечо.

Единоборствами Оля не занималась сроду. Но будь она прежней – здоровой, сильной – оттолкнула бы, врезала по причинному месту и умчалась прочь, словно лань. А сейчас, на слабеньких ножках, куда убежишь?

Решительности, однако, у нее не убавилось. Завопила голосисто, на весь район:

– Помогите! Кошелек вырвали!

Рядом магазин с запчастями, полно мужиков, должны найтись рыцари.

Алкаши возмутились:

– Ты че орешь! Какой кошелек?!

А второй рот ей затыкает вонючей, грязной лапой и шипит:

– Давай ее туда! Вон, в кусты!

Она решительно вонзила зубы в потную ладонь и закричала еще громче:

– Спасите! Они меня убьют!

Алкоголики, похоже, растерялись, и Оля уже решила, что спасена, но первый пьянчуга гаркнул на товарища:

– Не ссы!

Обхватил девушку за плечи и поволок – в темный угол, к гаражам. Она сопротивлялась, билась, лягалась – но сладить с двумя мужиками не могла.

И вдруг услышала знакомый голос:

– Оля, я здесь! Я полицию вызвал!

Напавшие ослабили хватку, и она завопила:

– Ярик! Ты с пацанами?

Почти уверена была: он не сообразит, как правильно ответить. Но аутист все сделал, как надо. Лихо свистнул, выкрикнул:

– Эй, мужики, сюда идти!

Алкаши окончательно утратили боевой пыл. Один забормотал:

– Да ладно, ты че! Мы шутили вообще!

Второй схватил приятеля за руку:

– Линяем!

Бросили Олю и растворились в темноте.

А она упала Ярику на руки и впервые – сама! – поцеловала его. Не дружески, не по обязанности. Благодарно, жарко. Почти с любовью.

– Пойдем. Отвести тебя домой, – сказал Ярик.

И Оля доверчиво позволила себя обнять.

Римма

Балерина паинькой сложила на коленях руки и жеманно произнесла:

– Не в моих принципах крутить одновременно с двумя мужчинами. Но вчера я была настолько благодарна Ярику! Хотела повести его к себе домой. Как минимум чаем напоить – в благодарность. А может, и что больше. Но дурачок – он и есть дурачок. Сам все испортил. И секса не получил, и к вам вот теперь тащиться пришлось.

Ольга снова умолкла, сделала загадочное лицо.

Паша поторопил:

– Что он сделал?

– Раскололся.

– В смысле? – не поняла я.

– Признался, что сам алкашей нанял. Чтоб они меня напугали, а он спас.

– Ярик об этом рассказал?

– Ну, не то, чтобы... Но когда шли к подъезду, вдруг говорит так важно: «Теперь я настоящий мужчина!» И тут я что-то заподозрила. Спрашиваю: «А не ты ли спектакль устроил?» Он, конечно, в отказ: «Оля, что ты! Как ты могла подумать? Зачем это мне?» – «Как зачем? Чтобы красиво спасти меня». Покраснел, горячится: «Я люблю тебя! Я никогда не сделать тебе больно!» Но смутился, занервничал конкретно. С чего бы волноваться, если алкаши случайные?

Я дернула плечом:

– То есть он ни в чем не признавался?

– Нет, – неохотно подтвердила балерина. – Но все равно себя выдал.

– Не факт, – бросилась я на защиту парня. – Он мог банально обидеться, что ты его заподозрила. А то, что рядом оказался, – тоже неудивительно. Ярослав ведь часто за тобой ходил. Просто любовался. Охранял.

– Это раньше было, – отрезала Оля. – И я не возражала – жалко, что ли? Но когда с Ромой познакомилась, с Яриком сразу поговорила. Жестко. Пригрозила: вообще общаться с ним не буду, если хоть раз увижу, что за мной таскается. И он послушался. Больше я его не встречала. Ни разу за три недели. А тут вдруг удивительное совпадение: и алкаши пристали, и Ярослав тут как тут. Вы, что ли, не сыщики? Сами не знаете, что случайностей не бывает? Сто процентов: это он тех двоих подговорил. Денег им дал – они и рады стараться.

– Ладно. – Паша сделал мне знак: не спорь, мол. – Допустим. Иногда влюбленные мужчины устраивают подобные инсценировки. Но что вас так обидело? Ничего плохого вчера не случилось. Наоборот – главной героиней шоу стали.

Она взглянула обиженно:

– А если бы он не успел меня спасти? И те алкаши мне руку сломали?! Или изнасиловали?

Синичкин молчал.

Ольга легко сдалась:

– Ладно. Я не пострадала. Но если он и дальше меня преследовать будет? Я ведь вчера ему велела убираться. Но он просто так не ушел. На прощанье выдал: «Не будешь если моей – ничьей больше не будешь».

Паша с рассеянным видом смотрел в окно.

Ольга обернулась ко мне, горячо добавила:

– Римма, ну скажи ему! Если Ярик чего-то хочет – всегда добивается!

Я промолчала. А Ольга сердито выпалила:

– Ну что вы за бизнесмены?! Клиент пришел, а вам будто и заказа не надо?!

Она поправила растрепанную челку и почти обольстительно взглянула на Синичкина:

- Дадите мне скидку как давней клиентке?
- Скидку на что? – осторожно произнес Паша.
- И милое личико Оли неожиданно исказилось злобой:
- Сделайте так, чтобы Ярослав отвязался от меня. Навсегда.

* * *

Принимать у Ольги заказ и брать аванс мы с Пашей категорически отказались. Но когда обиженная посетительница удалилась, Синичкин неожиданно произнес:

- Римма. Съезди на всякий случай к Ярику.

Я округлила глаза:

- Думаешь, он причастен?!

- А вдруг? Жаль, если парень в беду попадет. Мы и так много горя их семье причинили⁴.

– Брось. Не Ярик это. Даже самый последний алкаш не возьмет заказ у аутиста, – хмыкнула я.

Паша оставил мою ремарку без ответа. Добавил задумчиво:

– Как учит наука виктимология, Ольга – классический пример жертвы. Совсем молодая, а сколько всего пережила. Сожитель – уголовником оказался. Угрожали ей, утопить пытались, инвалидом сделали. И алкоголики сейчас редко на прохожих нападают. Тоже прекрасно знают, что по городу кругом камеры. Однако именно к ней привязались. А сейчас еще и Ярика обидела, прогнала. Вдруг он ей мстить возьмется?

- Ты просто хочешь меня чем-то занять. Чтобы я в офисе не скучала, – вздохнула я.

– Общаться с людьми всяко полезнее, чем ногти пилить или пасьянс раскладывать, – назидательно изрек шеф.

Хотела я ему сказать: боишься за Ольгу – сам к Ярику и иди. Вместо своих горных, водных и каких там еще лыж.

Но Паша все-таки босс. И перечить ему я не решилась.

⁴ Подробнее об этом читайте в романе А. и С. Литвиновых «Брат ответит».

Римма

Мобильного телефона у Ярика не имелось, а домашний не отвечал. Но частному детективу не привыкать являться без приглашения.

Прежде чем выезжать на адрес, я порепетировала перед зеркалом решительный вид. Но пусть внешне и получалось выглядеть уверенной – непробиваемой, внутри у меня все дрожало. Перед глазами против воли всплывали детали прошлого визита в квартиру Дорофеевых: старший брат Ярика на подоконнике... распахнутое окно за его спиной... растерянная улыбка младшего...

Федор покончил с собой на наших глазах. Мать, к счастью, не видела последнего полета любимого сына. А когда узнала, что случилось, тихо рыдать в уголке не стала.

Ее кулак, что летел мне в лицо, Синичкин перехватил. Но рот заткнуть не смог. До сих пор в моих ушах звучит дикий вопль: «Будьте вы прокляты!» Я потом даже (по секрету от убежденного материалиста Паши) ходила к *бабушке*, и та с меня порчу снимала.

Мамаша Дорофеева никогда выражений не выбирала и про тактичность ни малейшего понятия не имела.

Ярик (вскоре после трагедии мы вместе поехали в Псков) сказал мне печально: «Мама сказать, чтобы лучше я умер». И сколько я ни пыталась разубедить его, только повторял: «Федю любить, меня нет».

С момента гибели старшего Дорофеева прошло полгода, но вряд ли время стало для матери лекарем. Ольга, правда, упомянула: та вроде взялась за ум. Работает. Не пьет. Может, и меня больше не считает *убийцей*? Однако туфельки на каблуках я, в целях безопасности, сменила на кроссовки. И на голове соорудила уродливую «дулю» – чтобы разъяренная мадам в волосы не вцепилась.

Чем ближе к цели, тем медленнее я двигалась. Долго и вдумчиво выбирала, куда поставить машину, совсем черепахой ползла к подъезду.

Двор Дорофеевых показался мне еще больше неухоженным и бесприютным, чем в прошлые разы. Толстый мужчина с ротвейлером на поводке меланхолично наблюдал, как его пес накладывает на пешеходной дорожке огромную кучу. Пьянчуги на детской площадке распивали из пластиковых стаканчиков горячительное. Домофон не работал.

«Один Федя здесь *лучом света* был», – мелькнуло у меня в голове.

Я не делилась крамольными мыслями с Пашей, но втихомолку считала: зря мы тогда явились со своим разоблачением и толкнули парня на отчаянный шаг. Даже десять лет в тюрьме – лучше, чем смерть. А если бы Федор сумел, как собирался, удрать вместе с Яриком за границу, на край света – вот, честно, только бы за него порадовалась.

Не преступник он. Просто запутался и натворил в отчаянии глупостей.

И хотя считается, что детей нельзя делить по принципу любимый-нелюбимый, его маму я понимала: Федор – опора, надежда и гордость – тянул всю семью. А Ярик навсегда останется обузой.

«Фу, Римма, нельзя так цинично», – разозлилась я на себя.

Решительно позвонила в дверь – и сразу отступила на шаг. На случай, если мамаша Дорофеева кинется на меня с кулаками.

Однако отпер мне незнакомый мужчина. Сначала я подумала: ремонтник или «муж на час». Майка пропахла какой-то смазкой, ногти грязные. Но держался важно – настоящий хозяин. Строго спросил:

– Вы к кому?

Я ответила ослепительной улыбкой:

– Скажите, пожалуйста, Ярик дома?

Дядька расплылся в ответной ухмылочке – довольно похотливой. Но вместо того, чтобы ответить *мне*, крикнул куда-то в недра квартиры:

– Га-аль! Прикинь? К нашему Ярику опять девушка!

«К нашему». Это отец братьев, что ли, в родные пенаты вернулся? Но Дорофеевы – русаки, красавцы. А товарищ совсем другой породы – смуглый, коренастый, глаза узкие, сверкают, как две оливки. Узбек? Киргиз?

В прихожую вышла мамаша. В халате с драконами и красных плюшевых тапочках она выглядела нелепо и жалко.

Меня узнала, сузила глаза (сразу стала похожа на своего восточного друга), выплюнула:

– Ты как сюда явиться посмела?

– Галка, чего ругаешься? – миролюбиво спросил мужчина.

– Из-за этой... (непечатно) Федор погиб, – выплюнула Дорофеева.

– Что-то много у тебя виноватых, – усмехнулся тот.

– А кто еще? – немедленно прицепилась я.

– Заткнись! – цыкнула на своего друга Галина Петровна.

Товарищ на нее и не взглянул. Спросил меня с любопытством:

– Ты, что ли, та самая балерина?

– Нет. Я работаю в детективном агентстве.

– Вы очень красивый секретный агент! – расплылся в улыбке дядечка. – А Джеймс Бонд у вас имеется?

Фривольный вопрос чрезвычайно разгневал Дорофееву. Она завопила на весь подъезд:

– Шлюха она, а не секретный агент!

– Скажите мне, где Ярик, и я уйду, – отозвалась я с максимальной кротостью.

– Зачем он тебе? – злобно выплюнула маман. – Второго моего сына убить захотела?

От нее терпко пахло дешевыми духами и водкой.

Вот тебе и «не пьет».

– Галина Петровна, он дома? – Я на всякий случай отступила еще на шаг.

– Ссышь, гнида? – интеллигентность из безутешной матери просто сочилась.

Счастье, ее друг-мастеровой пришел на помощь:

– Галь, да ладно тебе. Не позорься.

И обратился ко мне:

– Ярик тут не живет уже три недели. К зазнобе съехал.

– Куда?! – опешила я.

– К невесте, – с удовольствием объяснил мужчина. – Жениться будет. Комиссию хотят пройти, чтобы его дееспособным признали. Ему как раз шестнадцать исполнится – и заявку сразу подадут.

У меня совсем голова кругом пошла.

– Как жениться? По-настоящему?.. – пролепетала я.

– А вам, проституткам, без разницы: дебил, аутист. Главное, чтоб член большой, – извергла очередную сентенцию Галина Петровна.

– Дайте мне, пожалуйста, его адрес. Или телефон.

– Не говори, – рявкнула мадам.

Но восточный товарищ только отмахнулся:

– Какой смысл молчать? Раз сыщица – все равно найдет.

Он открыл в своем простецком аппарате записную книжку и принялся обстоятельно объяснять:

– Сам Ярослав себе телефона не завел. Но девушка его подзывает, если объяснить, по какому вопросу. Записывай. Стелла ее зовут.

И продиктовал десять цифр.

* * *

Я вышла из подъезда, почти бегом достигла машины, на всякий случай сразу заперлась – и задумалась.

Поведение Дорофеевой и ее восточного сожителя меня весьма насторожило. У Галины Петровны глазенки так и бегают. А дружок ее слишком, прямо-таки нарочито услужлив для честного человека. Может, нападение – их рук дело?

Но зачем? Мстить за смерть Федора? Поздновато. Да и связать Ольгу с гибелью парня можно только в очень воспаленном мозгу. А Галина Петровна до белой горячки пока, на мой взгляд, не допилась.

Или алкашам было велено: пригрозить Ольге, чтобы отстала от инвалида? Может, мамаша хотела себе его пенсию немаленькую вернуть? Тоже не сходится. Раньше надо было действовать. Может, Галина Петровна не знала, что у балерины новый ухажер? Хотя как она могла не знать, если Ярик из квартиры съехал, причем не к Ольге?

Ладно, что гадать. Надо продолжать следствие.

Я достала телефон, набрала номер Стеллы. Получится ли с ней нормально общаться? Девушка наверняка своему кавалеру под стать, тоже с *особенностями развития*. А к Яриковой манере говорить я привыкала довольно долго.

Однако мне ответил абсолютно нормальный и не шибко приветливый голос:

– Але, это кто?

– Добрый день. Я могу поговорить с Ярославом?

– По какому вопросу?

Я едва не хихикнула – аутист обзавелся секретаршей, просто с ума сойти!

Доброжелательно отозвалась:

– Я Римма Парсунова из детективного агентства, Ярик меня хорошо знает.

Пауза. Шорох – трубку прикрыли ладонью, но я все равно услышала:

– Зайчик! Тебе какая-то Парсунова звонит. Ответишь ей?

Ярик стал «зайчиком»! Просто с ума спятить!

Что он сказал, я не разобрала, но Стелла вскоре вернулась на линию и не слишком довольным голосом выдала:

– По телефону он не хочет, но зовет вас приехать. Давайте только прямо сейчас, а то мы в магазин собирались.

И назвала адрес – Кетчерская улица, совсем рядом.

Всю дорогу, пока рулила, я пыталась составить заочный психологический портрет Стеллы. Судя по речи, аутизмом она не страдает. По другому заболеванию инвалид? Без рук, без ног? А может, здоровая, приезжая хищница? Настолько хочет уцепиться за Москву, что не гнушается совратить душевнобольного подростка? Или просто на сексе помешана? Парень-то – красавец. А его старший брат, помнится, говорил: «Ярик, несмотря на болезнь, мужчинскую статью имеет изрядную».

В итоге навоображала я себе эдакую золотозубую даму-нимфоманку, увешанную дешевой бижутерией.

Однако дверь мне отворила очень страшненькая и интеллигентная (в худшем смысле слова) девица. Абсолютно все комичные элементы присутствовали: хилая косица, очки, прыщи, бесформенная юбка ниже колен.

С красавицей Ольгой – небо и земля.

Зато в ее глазах я сразу прочитала безусловную преданность своему сердечному другу. И с какой любовью в голосе она позвала:

– Ярославушка! К тебе пришли!

Из кухни показался Ярик. Прежде он лишь коротко взглядывал – и немедленно снова опускал голову. А сейчас – впервые – посмотрел мне прямо в глаза! И радостно улыбнулся. Произнес – пусть медленно, но абсолютно разборчиво:

– Римму рад видеть.

– Чаю? – светски предложила Стелла.

Я попыталась определить ее возраст и не смогла. Но восемнадцать точно есть. Страшно подумать, что судачат соседи – про совершеннолетнюю девицу, поселившую у себя психически неполноценного красавца-подростка.

– Да, пожалуйста, – попросила я.

Но Ярик сердито насупил брови:

– Не надо чай.

Взял меня за руку, потащил в комнату. Я быстро огляделась: типичное девчачье гнездышко. Диван усыпан подушками, на этажерке теснятся мягкие мишки-зайчата-котики. С общей мимишностью несколько контрастировал портрет Достоевского на стене. Писатель смотрел пронзительно, укоряюще. Я (про себя, конечно) хихикнула. Может, эта Стелла – типа Сонечка Мармеладова? Прежде вела распутную жизнь, а теперь взяла на попечение инвалида, решила вину искупать?

Ярослав почти швырнул меня на диван. Сам поместился рядом – очень близко, наши бедра соприкасались. Пристально посмотрел на меня:

– Ольга приходить к вам?

– Да.

– Я это чувствовать, – печально произнес он.

– Чувствовал – что?

Парень взглянул беспомощно и вдруг позвал:

– Стелла! Идти, помогать!

Девушка явилась немедленно.

– Расскажи про Говорушу, – Ярик взглянул устало.

Прикрыл глаза, откинулся на спинку дивана.

Это еще что за фрукт?

Стелла, будто школьница-паинька, сложила руки на коленках. Затарабанила:

– Вы, конечно, знаете, что у каждого человека есть внутренний голос, который подсказывает правильный путь и предупреждает об опасности. Люди верующие именуют его ангелом-хранителем. Но Ярослав в Бога не верит, поэтому его внутренний голос мы называли Говорушей.

Я с трудом удержалась, чтобы не хихикнуть. Стелла заметила мой скепсис. Заторопилась, почему-то покраснела:

– Раньше... когда Ярослав жил с братом и мамой, внутренний голос у него был, как у всех. Но потом случилось много событий, и с каждым новым переживанием интуиция, умение предугадывать становились у него все сильнее. Ну, а когда Ярик встретил меня и перестал быть... э-э... юношей, его способности окончательно развились. Он научился видеть много того, чего не видят другие. Ярик стал особенным – в том смысле, что его экстрасенсорные способности теперь обладают исключительной силой. Тогда мы и придумали для его шестого чувства имя Говоруша.

Теперь я еле удерживалась, чтобы не заржать в голос. Но взяла себя в руки, спросила очень серьезно:

– А почему именно Говоруша? Этот его внутренний голос – он что, слишком болтливый?

Девица взглянула с упреком:

– Так Ярослав захотел. Потому, что прямо в ухо *говорит*. Я предлагала Подсказчик или Советчик – ему не понравилось.

А Ярик, не открывая глаз, констатировал:

– Римма не верить.

– Я бы рада поверить. Но частным детективам нужны живые, из плоти и крови, свидетели. Никакой экстрасенс ни одному расследованию еще ни разу реально не помог. Это доказано.

– Но я свидетель, – горячо выкрикнула Стелла. – Говоруша еще с утра сказал Ярославу, что сегодня к нам детектив Римма приходить. Поэтому я даже не удивилась, когда вы позвонили.

– Да ладно, – усмехнулась я в ответ, – вас Галина Петровна предупредила. Или друг ее. Девица поджала губы:

– С ними мы не общаемся. Они не хотят. Ни она, ни он. Впрочем, дело ваше, верить или не верить.

– Да, лучше сменим тему, – кивнула я. – Стелла, расскажите: как вы с Ярославом познакомились?

Девушка с готовностью отозвалась:

– На кладбище. Он своего брата навещал. А я там работаю. В сопутке.

– Где?!

– Ну, сопутствующие товары. Венки, ленты, цветы продаем. И познакомил нас, между прочим, тоже Говоруша!

О, нет. Только не это.

А Стелла вдохновенно продолжала:

– Мы с Яриком сразу друг на друга глаз положили. Но долго было просто: «Привет-пока». Хотя, – снова покраснела, – он мне нравился очень. А в июле – тридцать первого, я этот день на всю жизнь запомню – Ярик приехал на кладбище, зашел ко мне за цветами и вдруг просит: вместе с ним на могилу брата пойти. Обсудить памятник. Я ему: «Это не ко мне, а к ребятам, в гранитную». Но он и слушать не стал. Просто за руку схватил и потащил. Я испугалась сначала. Но пока шли, разговорились. Я не все слова разбирала, но мне рядом с ним было очень хорошо. Только Ярик сильно нервничал – и я никак понять не могла почему. А только добрались до могилы – у входа на кладбище дым, крики. В магазинчике нашем, оказывается, проводку замкнуло. А там цветы искусственные, венки – все сухое, горит хорошо. И дым едкий. Моя сменщица еле успела выскочить и угарным газом отравилась, потом месяц на больничном была. И я бы в огне оказалась, если бы не Говоруша. Счастье, что он есть. Что сказал Ярику: «Уведи ее». Поэтому я спаслась.

Глаза у Стеллы блистали как-то слишком уж лихорадочно, и я почти уверилась: у дамы наверняка тоже имеется белый билет. Шизофреничка или биполярное расстройство как минимум. Не станет нормальный человек работать на кладбище, поселять у себя в доме больных аутизмом и верить в Говорушу.

Но сыщик должен даже от двух кукукнутых добиться информации – по существу.

И теперь я набросилась на Ярослава:

– Расскажи мне, что случилось вчера.

Он с готовностью отозвался:

– На Ольгу напали двое пьяных.

– Ты их знал?

– Кого? – захлопал глазами парень.

– Нападавших.

– Не знать.

Но начал нервно пальцы крутить, облизывать губы.

– Ольга ведь просила тебя: больше за ней не ходить? – я проницательно взглянула на Дорофеева.

– Я к ней больше и не ходить, – насупил Ярик. – Я теперь всегда вместе со Стелла.

- А вчера зачем пошел? Аж в Бибирево потащился? Из другого конца Москвы?
- Мне Говоруша велеть, – с готовностью откликнулся он. – Сказал ехать к ее дому. Стелла понимать и меня отпустить. Я ждать, пока Оля выходить. Потом доводить ее до магазин, снова ждать, потом идти за ней обратно. И дожидаться. Спасать ее от двух людей нехороших.
- А почему на нее напали, Говоруша тебе не рассказал? – вкрадчиво спросила я.
- Говоруша причины никогда не объяснять. Он только советовать: что делать надо, – серьезно уточнил юноша.
- Хорошо, тогда ты сам объясни. Почему алкоголики к ней пристали?
- Ярик насупился:
- Не знать.
- Оля просто понравилась им? Или их кто-то нанял? – продолжала давить я.
- Он взглянул жалобно. Снова облизнул губы и решительно произнес:
- Не буду об этом говорить.
- Почему?
- Не хочу.
- Потому, что ты сам их нанял?
- Стелла с возмущением встряла:
- Кто вам дал право? Его обвинять?
- Ярослав взглянул сердито:
- Стелла, не лезть.
- Так это ты все устроил вчера?
- Нет. Но я знать, почему эти люди так сделать.
- И что ты знаешь?
- Он насупился. Прикусил губу. Молчал.
- Ольга считает: это *ты* пьяницам заплатил. Чтобы они напали, а ты ее как бы спас.
- Оля очень красивая, но она не понимать меня, – тяжело вздохнул Ярик. – И не верить мне. Она может бить меня или гнать. Но я не делать зло в ответ. Я ее добиваться только добром.
- Так и тут вроде как добро. Пьяницы напали, ты их прогнал.
- Стелла снова не удержалась, влезла:
- Глупости вы говорите. Во-первых, Ольга ему теперь до лампочки. А во-вторых, Ярик – не тот человек, кто в состоянии сделать инсценировку. Нанимать людей, переговоры вести – это вообще не к нему.
- Он кивнул:
- Правильно. Я не уметь общаться. Я никого не нанимать.
- И Ольгу ты больше не любишь? – вкрадчиво поинтересовалась я.
- Он вздохнул. Бросил виноватый взгляд на свою Стеллу. Но ответил честно:
- Я бы хотел добиваться Ольга. Но она меня прогнать. И я теперь понимать, что нужен ей... Стелла, как правильно говорить?
- Как запасной вариант. На черный день, – услужливо подсказала кладбищенская фея.
- Нужен Оле только на черный день, – послушно повторил Ярослав. И уточнил: – Если она одна – будет терпеть меня рядом. Но как только встречать другого мужчину – сразу гнать, как...
- Снова взглянул на подругу, и та радостно выпалила:
- ...Как шелудивого пса!
- Ярик взглянул на меня абсолютно здоровым взглядом – в нем светились обида и печаль. Грустно произнес:
- Я добиваться Ольга как мог. Но никогда бы не стать обижать ее.
- А ведь ты знаешь, кто алкоголиков нанял, – с нажимом произнесла я.
- Знать. Но говорить не буду.

– Будешь.

– Нет, – взглянул с вызовом.

– Не будет, – злорадно поддержала Стелла. – Вы его никак не заставите. И вообще, он недееспособный. У вас нет никакого права его допрашивать.

– Мы просто беседуем, – пожала плечами я. Сурово взглянула на Ярика. Заверила: – Я все равно выясню.

– Выяснить мало. Надо доказать, – хитро улыбнулся он.

– Да, Ярослав. Ты изменился, – констатировала я. – В лучшую сторону.

Стелла довольно улыбнулась:

– Мы очень стараемся. Моделируем ситуации – как себя вести в поликлинике, в магазине, на улице. Работаем над его речью. Он теперь даже сравнения иногда использует! Хотя считается, что при его диагнозе это вообще невозможно.

– Ваша заслуга, – подлизалась я.

– Конечно, – не стала скромничать девица. – У Ярика благодаря мне теперь другая жизнь. Он включен в общество, работает, получает приличные деньги.

– Да вы что? Где?

– У нас в магазине. Тексты пишет на лентах. Буковки по линейке, каждая завитушка прорисована. Шеф говорит: такой аккуратности сроду не видел. Поэтому платит ему хорошо. И в кино мы ходим, и в торговые центры по выходным. Все как у людей.

– Еще салат из тунца, – подсказал Ярик.

– Да. Вместе готовим.

– Вы... любите друг друга? – осмелилась я.

– Ярик – мое божество, – без тени сомнения отозвалась девушка с кладбища.

Подросток ответил спокойнее:

– Да, Стелла мне открыл другой мир.

Он виновато взглянул на подругу и добавил:

– Но Ольга еще есть в моем сердце. Я больше не любить ее. Но не могу допускать, чтобы ей было плохо.

Стелла презрительно дернула плечом.

Да вы ревнуете, мадам!

А если у нее справка, то есть ни руля и ни ветрил, – может, именно она и пытается стереть соперницу с лица земли?!

В моей бедной головушке все запуталось окончательно. Ну и подозреваемых я собрала!

Алкоголичка Галина Петровна Дорофеева. Ее узбек-сожитель. Продавщица из магазина при кладбище. А, и еще Говоруша. Бесплотный дух, который, однако, знал, что на Ольгу нападут алкоголики. И о моем приходе Ярика предупредил.

Паша от души посмеется.

* * *

Грузить Рому историей с нападением алкоголиков Ольга не стала. Ей категорически не хотелось быть в его глазах «девочкой-бедой». Красавец и так много неприглядного увидел – пока она хромала да потела, пытаясь сто метров пробежать. А у нее со времен балета осталось убеждение: мужчине позволено лицезреть нарядного, худенького эльфа, порхающего по сцене, но никак не диеты, слезы и искривленные пальцы на ногах.

Оля еще не чувствовала себя полностью здоровой. Вчерашний инцидент и сегодняшняя поездка в детективное агентство изрядно ее измотали. Хотелось забиться под одеяло и никого не видеть.

Когда позвонил Рома и сказал, что приедет вечером, девушка попыталась от свидания уклониться. Не в форме она. А мужскую страсть подогреть всегда полезно.

Однако ее инструктор по ЛФК проявил настойчивость:

– Нет, Оля, приеду обязательно. Мне надо тебе очень важную вещь сказать.

– Из какой оперы?

– Про нас с тобой, – заинтриговал Роман.

И балерина окончательно разволновалась. Предложит замуж? Жить вместе? Или, наоборот, скажет: между нами все кончено?

В любом случае выглядеть она обязана идеально. Придется взять себя в руки и лущиться беспечностью.

Личного гримера у балерины Ольги Польской никогда не имелось, но в этом свой плюс: «нарисовать лицо» она могла даже после бессонной ночи или многочасовых рыданий.

Надо *соответствовать* успешному сценаристу и красавцу Роману – пусть не по статусу, так хотя бы внешне. Впрочем, со временем Оля надеялась и в работе его догнать-перегнать. Получилось ведь когда-то – без образования и опыта поставить балет, от которого СМИ всего мира в восторге пищали. Она окончательно оправится от ударов судьбы – и еще что-нибудь придумает, даже круче. Главное, чтобы Рома прежде ее не бросил.

Гостя Ольга встретила с прямой спиной и беспечной улыбкой. Величественно, будто прима-балерина, приняла букет (и вида не подавала, что в шоке: первый раз он с цветами пришел).

С удовольствием, прямо в коридоре, ответила на поцелуй.

Думала, сразу потащит в постель. Однако Рома (ей показалось: отчаянным тоном) произнес:

– Пойдем на кухню. Поговорим.

Оля взялась было доставать вино – он остановил:

– Давай после. А то слова язык жгут. Хочу признаться поскорее.

Сердце затрепетало. Что-то хорошее? Или, наоборот, пошлет?!

Рома рухнул на табуретку. Потупился. Пробормотал:

– Оль. Мне очень стыдно, но я все тебе врал.

Она помертвела.

Проиграла. В который раз.

Жестко усмехнулась:

– Зачем тогда цветы принес?

Молодой человек вскинул голову. Увидел отчаяние в ее глазах. Улыбнулся:

– Стоп-стоп. Ждешь – скажу, что женат?

– Ну, или гомик, – подыграла.

– Вот спасибо, припечатала, – отозвался он с нарочитой обидой.

Напряженность рассеялась. Ольга повеселела. А Роман решительно заявил:

– Я тебе про другое врал. Что фильмы по моим сценариям по ящику идут. И что я в продюсерской компании работаю.

Балерина выдохнула – оказалось не самое страшное. Но сразу вспомнила Гришу из Пскова:

– А кто ты на самом деле? Рецидивист, беглый каторжник?

– С ума сошла! Нет. Я – как маман говорит – лоботряс. Но во ВГИКе действительно отучился. Меня туда за уши втащили, два раза в академ уходил, с трудом окончил на «тройки». Работы по специальности не нашел. И тогда устроился маньяком.

– Кем?!

– Ты знаешь, что такое квест?

Оля нахмурилась:

– Это когда в комнате запирают и надо выход найти?

– В принципе да. Но как раз пять лет назад – когда я институт окончил – обычные «бродилки» людям стали надоедать. И стали появляться перфомансы. Это тоже квест, но с актерами. Надо не только решать логические задачки, чтобы, допустим, дверь открылась, но и одновременно спастись. От зомби, инопланетян. Ну, или маньяков.

Польская не удержалась, хихикнула:

– Как это выглядело? Ты ходил с топором и хватал визжащих девчонок за попы?

– Ну способов напугать есть много. Я все-таки историю кино изучал. Психологию зрителя тоже знаю, – и вкрадчиво спросил: – Так ты не сердишься? Что я тебе наврал, где работаю?

Ольга по-королевски вскинула голову:

– Я зла, как фурия.

– Как мне загладить вину?

– Никак. Ты свободен, а я буду искать себе настоящего киношника. Я-то надеялась с твоей помощью главную роль получить!

– Прости, пожалуйста, – кротко произнес он. И не слишком уверенно добавил: – А если ты правда хочешь в кино, у меня знакомые в тусовке есть. Могу посодействовать.

– Придется. Надо же тебя как-то наказать за вранье.

Впрочем, Ольга, хотя и играла гнев, на самом деле не расстроилась. Даже легче стало, когда Рома сам себя с пьедестала сбросил. Она лукаво улыбнулась:

– И цветами ты свою вину не загладишь.

Он взглянул влюбленно:

– Даже не надеюсь. Я их принес, чтобы поблагодарить.

– За что?

– Ты ведь моей музой стала. Идею мне подарила.

– Чего? Сценария?

– Нет. Я придумал абсолютно сумасшедший квест. С твоей помощью.

– С моей помощью?

– Ну, меня твоя история вдохновила.

Оля опешила.

Вот, значит, как!

Она не скрывала от Романа перипетий своей жизни. Работа с инвалидами, бегство в Псков, страшная ночь на берегу реки Великой, отчаяние, больница...

А он, получается, на основе ее биографии какое-то шоу построил?!

Но молодой человек не заметил ее расстройства. Вдохновенно продолжил:

– В нашем квест-бизнесе в последний год конкуренция страшная. Больше ста локаций – даже для Москвы это много. Тем более ажиотаж падает. Что-то новое сейчас раскрутить – вообще нереально. Народ избалован до крайности. В одну жалкую комнатку никто не пойдет. Площадь нужна большая плюс антураж создать, аппаратура дорогая, arduino⁵ и прочее. А главное – сценарий. Поиск кладов и вопли из темноты давно никому не заходят.

Она сердито спросила:

– Ты, что ли, решил написать сценарий – на основе моей жизни?

Роман не смутился:

– Да. И знаешь, конфетка вышла! Двум крутым спонсорам показал – оба мертвой хваткой вцепились. Я только сглаживал их и цену поднимал. Еще условие поставил: чтоб запустили проект максимально быстро. Так и получилось. Уже декорации готовы, на той неделе начнут рекламу давать, а дней через десять премьера!

Она перебила:

⁵ Программируемый микроконтроллер.

– Ты пришел поблагодарить за идею? Или просто похвастаться?

– Круче! – не смутился Роман.

Вскочил, встал перед ней на одной колено, сложил руки в молитвенном жесте:

– Оля! Ты станешь нашим хайлайтером?

– Кем?!

– Ну, главной актрисой?

Увидел сомнение на ее лице и поспешно затараторил:

– Начальная зарплата – пока квест еще не раскручен – пятьдесят штук. А дальше – сто, двести в месяц будешь получать! Плюс я своими авторскими процентами готов делиться. Работа творческая, непыльная. И все время с тобой вместе будем!

Она молчала.

Рома сглотнул:

– Давай и жить будем вместе! У меня! А через годик – поженимся, ребеночка заведем!

Оля пока не могла понять: обижаться ей или радоваться.

Свинство, конечно, что твою жизнь в основу какого-то квеста положили. Но, с другой стороны, играть в кино саму себя – только культовых актрис приглашают.

Ее, правда, на голубой экран пока никто не зовет, но, может, квест – это только начало.

В любом случае надо узнать, что он там понаписал.

И она сурово молвила:

– Прощать я тебя не собираюсь. Но сценарий, так и быть, посмотрю.

Павел Синичкин

Римка после своих изысканий явилась взбудораженная. Глаза горят, в блокнотик поглядывает, изо всех сил строит из себя настоящего детектива.

Я сразу понял: где-то она напортачила.

Суть ухватил быстрее, чем секретарша успела довести до конца свой рассказ:

– Друга Галины Петровны как зовут?

Римка смутилась:

– Э... ну, я его у себя пометила как ВЧ.

– Что сие значит?

– Восточный человек.

– Это все, что ты о нем знаешь?

– Ну, еще, возможно, он в ЖКХ работает.

– Почему такой вывод?

– Грязь под ногтями. Ну, и вид такой... рабочий.

Я вскипел:

– Римма, и после этого ты называешь себя частным детективом? Что за формулировка: восточный человек?! Кто он хотя бы? Узбек, таджик, армянин, киргиз?!

– А как их различить? – простодушно улыбнулась она.

– Да хотя бы спросить: «Откуда вы к нам?»

– Не, мне б тогда Дорофеева глаза выпарапала, – поежилась Римма. И немедленно (как любая девушка, которая чувствует себя виноватой) бросилась в контрнаступление: – Сам бы ехал! Она пьяная, матерится и терпеть меня не может! Как в такой обстановке работать?!

Я вздохнул. Говорить секретарше, что мнить себя сыщиком куда легче, чем быть им, не стал. Сухо подытожил:

– Работу со свидетелями ты сегодня завалила.

Она возмущенно распахнула рот. Пришлось добивать:

– Истории про Говорушу или что-то подобное в следующий раз даже рассказывать не начинай.

Римма поникла.

Я сухо спросил:

– Давай только по фактам поговорим. Ты полагаешь, алкоголиков наняли?

– Да.

– Кто? И зачем?

Она подобралась:

– Ну... у меня две версии. Или Стелла. Или Галина Петровна.

– Мотивы?

– Стелла из ревности. Сама-то страшна как смерть. И Ярик, пусть живет у нее, Ольгу по-прежнему любит.

– Но доказательств у тебя нет, – зловещим тоном произнес я.

– Можно вдвоем попробовать ее расколоть!

Я поморщился.

– А Дорофееву ты почему заподозрила?

– Ну... этот узбек или кто он там очень странную фразу обронил. Галина Петровна орать начала, что это из-за меня Федор погиб. А он ей: «Слишком много у тебя виноватых». Подозрительно, правда? Может, мамаша Ольгу тоже решила наказать? За смерть старшего сына? Ну, или второй вариант: хотела отвалить балерину от Ярика.

– Затеяливо, – хмыкнул я. – Но алкаши тогда должны были сказать: «Отстань от инвалида». Или что-то в этом роде. Ольга упоминала о таком?

– Ну, может, они просто не успели, – предположила Римма.

– Да, богатая версия, – хмыкнул я.

Она обиделась:

– Но Ярослав точно что-то скрывает. Езжай – и тряси его. Но могу поспорить на любой ужин по твоему выбору: ничего он тебе не скажет.

– Утку с черносливом. На гарнир – салат и картошка, – сделал я заказ. – И глазами не хлопай. К вечеру я это дело раскрою.

* * *

Когда Рома вручил ей сценарий, Ольга взяла его с трепетом. Девушка предвкушала: сейчас увидит что-то уровня «Молчания ягнят». «Сияния» Стивена Кинга. Или как минимум собственная жизнь изящной птицей пролетит перед ее глазами.

Но получилось одно разочарование.

Текст оказался совсем не похож на захватывающий роман. Сюжет (выписанный скупыми словами) то и дело перебивался техническими деталями. Какие-то выключатели, датчики, скримеры⁶. А само *действие* включало в себя лишь обрывки (часто перевёрнутые) ее биографии. Плюс огромное количество штампов. Раз балет – то обязательно репетиторша, которая забивает учеников до смерти. У безвинно погибшего ученика, разумеется, наличествует отец-мститель. И, конечно, самая болезненная для нее сцена – когда мучительно захлебывалась в ледяных водах реки Великой – выписана с максимальным смаком.

Сначала Ольга просто хотела швырнуть *писульку Роману* в лицо.

Но за последний тяжелый год жизнь научила: не рубить сплеча, прежде все взвесить.

Чего она добьется истерикой? Моральное удовлетворение – да, получит. Но Рома – уйдет. И работы у нее – не будет.

Приобретаешь: мужика и деньги.

Жертвуешь – только гордостью. Очевидно ведь, какая чаша перевешивает.

Гораздо лучше получать пятьдесят тысяч, проценты плюс иметь классного любовника со своей квартирой, чем устроить красивый скандал, а потом сидеть голодной, да еще в одиночестве (ну, или снова аутиста Ярослава приваживать).

– Ну что? – нетерпеливо спросил Роман.

– Дешевка. Уровень газеты «XXL». – Она с вызовом взглянула ему в глаза.

Но тон намеренно сделала ласковым, а взор – манящим. И губы облизнула соблазнительно, искушающе.

Рома приблизился к ней вплотную. Прохрипел:

– Как ты сказала?

– Сказка для дурачков. Автор, пока писал, все время держал в голове: «Побольше жареного. И попроще. Чтоб все дебилы поняли».

Он размахнулся и влепил ей пощечину.

Боль пронзила голову, отдалась в теле, наполнила низ живота сладким теплом.

Ольга улыбнулась:

– Стыдно? Поэтому бьешь? Но ты не переживай. Для серой массы – кто ходит на квесты – в самую точку. Зря ты мнил себя Дином Кунцем, жалкий приспособленец.

Он налетел на нее. Отвернул к себе спиной. Больно вывернул руку. Жарко выдохнул:

⁶ Скример, от английского *screamer* (крикун) – способ неожиданно напугать. В квесте это внезапные вопль, выстрел, наступление темноты, появление перед клиентом страшной фигуры и т. п.

– Ты специально меня бесишь?

– Нет. Я умирала – по-настоящему. А ты мою смерть описал – бездарно и глупо.

Роман дернул ее руку еще сильнее. Прижал лицом к стене, придушил:

– Заткнись, сука! Ты *будешь* актрисой на моем квесте. Или я тебя просто убью.

Чуть ослабил хватку, швырнул ее лицом на кухонный стол, легко сорвал домашние брючки, пробормотал:

– Трусы чего не надела? Шлюха!

И вошел в нее грубо, зло.

Ольга громко закричала.

Почему ей больно и радостно одновременно? Почему вся ее жизнь – не нормальная, а будто сломанные американские горки?! Вот-вот, на крутом вираже, кабинка слетит с рельсов, и тебя размажет по асфальту.

Внутри стало горячо, жарко. Роман продолжал пережимать ей сонную артерию, воздуха не хватало – как тогда, под водой, – а она плакала и смеялась одновременно.

Мужчина звонко шлепнул ее по попе. Заорал:

– Говори: «да»!

– Пошел к черту! – с наслаждением отозвалась Ольга.

Он ускорил свои движения. Сдавил ее шею еще крепче. Вывернул руку так, что та хрустнула. Нежно шепнул:

– Соглашайся. Выхода у тебя нет.

Но Ольга сначала дождалась, когда ее накроет феерическим оргазмом, и только потом бросила:

– Возможно.

– Не шутишь? – выдохнул он.

– Я сказала: возможно. Только просить тебе меня придется долго. И часто.

Павел Синичкин

Ярослава со Стеллой я оставил напоследок. И госпожу Дорофееву решил пока что не трогать – неприятно и малоперспективно разговаривать с пьющими дамами. Самой легкой добычей представлялся ее восточный сожитель.

Иноземцы без регистрации нынче в Москве проживать не рискуют, и я пошел простым путем. Решил выяснить: кто нынче зарегистрирован в квартире гражданки Дорофеевой?

И сразу попал в «яблочко». Помимо Галины Петровны и ее сына Ярослава, на данной жилплощади числился некто Иван Андреевич Айдаров, тысяча девятьсот восемьдесят девятого года рождения, гражданин России, прибыл из города Казань.

Эх, Римка! Нашла узбека. Айдаров – типичная татарская фамилия.

И со сферой ЖКХ секретарша моя облажалась. Как можно определять род занятий лишь по грязным ногтям?

Айдаров – легче, чем Иванов. Да и вообще нынче для частного детектива рай. Фигуранты про себя сами все в социальных сетях рассказывают.

Иван Андреевич исключением не стал.

Место работы он в своем профиле не обозначил, но многочисленные фото – в рабочем комбинезоне, на фоне подъемника или за рулем все время разных и явно не новых машин – просто вопили: Иван Андреевич подвизается в автосервисе.

Я потратил еще десять минут на изучение его постов и быстро нашел подсказку: *«Мужики, мою шарашку на Вешняковской снова грозятся снести. Вдруг в этот раз у Собянина получится? Так что если кому что надо, подчаливайте быстрей»*.

Крик души сопровождало фото: Айдаров с печальным лицом у ярко-синего гаража с кособокой надписью «АВТОСЕРВИС».

Еще раз восславим соцсети. Мимо синего гаража на соседней с нашим офисом Вешняковской улице я проезжал многократно.

Оставалось лишь найти в справочнике телефон, позвонить и записаться к Ивану Андреевичу. «Нет, только к нему. И обязательно на сегодня. У меня в подвеске стук очень нехороший».

На самом деле то был банально разболтавшийся глушитель, но я не возражал, чтобы гражданин Айдаров принял меня за лопуха.

Едва я взглянул в хитрые татарские глаза (как только Римма могла посчитать его узбеком?), понял: айкью у него приличный – хотя и пытается разыгрывать простачка.

– Давай прокатимся, я подвеску послушаю, – сразу позвал сервисмен.

Он подстелил под свой грязный комбинезон газету и устроился на пассажирском сиденье.

Пока ехали – молчал. Единственный раз велел:

– Газани. Теперь затормози резко.

А когда я исполнил приказ, снисходительно молвил:

– Ты че? Только что «права» получил?

– Нет. Двадцать два года за рулем.

– И не можешь глушак от ходовой отличить? – прищурился он.

– Ну, глушак-то все равно закрепить надо. А еще про Галину Петровну побеседовать. И про Ярослава.

– Опять! Да на кой они сдались-то вам всем? – ошетинился автослесарь.

Я достал удостоверение частного детектива. Против правил, дал Айдарову в руки. Успокоил:

– Не бойся. Я не мент. Плана по посадкам не имею.

Айдаров уточнил:

- Девчонка от тебя сегодня приходила?
- Да.
- А теперь еще ты приперся. Со всех сторон обложили. Говорил я Галке: полную фигню ты затеяла. Но баба разве слушает!

Тремя месяцами ранее

Ранним летним вечером слесарь Ваня Айдаров шел с работы и увидел в кустах спящую женщину. Прочие прохожие обходили похрапывающее тело стороной, брезгливо морщились. Но у него взгляд приметливый, потому сразу понял: дама – не бомж. Хотя, несомненно, пьяная, по кустам не каждый день валяется.

Ваня подошел, присел на корточки, рассмотрел. Баба возрастом под полтинник, и, пусть рожа опухла, видно: черты лица правильные. Одежонка китайская, но с претензией на элегантность – кофточка бархатная, брючки, типа, из искусственной кожи. Обручального кольца нет.

Вечер выдался душный, липкий. Домой (то бишь в общагу) не хотелось. Да и женщина, что спала на траве, резала глаз – дома, в Казани, даже мужики себе на улице валяться не позволяли, не то что бабы.

Ваня потряс пьянчугу за плечо:

– Эй, милая, просыпайся!

Женщина поморщилась, простонала:

– Феденька!..

Это еще кто? Мужик, сожитель? Но почему тогда подобное состояние допустил?

Тетка открыла мутные глаза. Села, постанывая. Пробормотала:

– Нет. Ты не Федька. Федька мертвый.

И вдруг цыкнула на Ивана:

– Чего лыбишься? Иди, куда шел!

С характером баба. Айдаров таких любил. Он миролюбиво молвил:

– Зачем гонишь? Я тебе помочь хочу.

– Как? Денег дашь? – рыкнула она.

– Не дам. Но домой отвезти могу.

Она почти трезво всмотрелась в его восточный разрез глаз. Презрительно молвила:

– На чем? На велике? Или у тебя самокат есть?

– Куда тебе сейчас на велик. Такси возьми.

– Слушай, – окончательно разозлилась женщина. – Что тебе надо? Я с узбеками не сплю. Даже спяну.

Обычно он злился, когда за трудового мигранта принимали, но тетка – жалкая и сердитая – Ване понравилась. Ему было тридцать один, и малолетних свистушек он не жаловал. Девчонки – глупые и капризные. А ровесницы еще хуже – с первого свидания под венец тянуть начинают. То ли дело дамочки сорок сильно плюс – и приласкают, и позаботятся, и детей им не нужно.

И общежитский бедлам достал, а на съем хотя бы комнаты денег Айдаров жалел. Почему бы не разведать – вдруг у мадам еще и жилищные условия подходящие? Ведет себя борзо. Явно москвичка.

Новая знакомая продолжала вредничать, но Иван уже понял: ей льстит внимание молодого-трезвого. Терпеливо дождался, когда поток наездов иссякнет, и помог даме подняться. Пахло от нее не слишком противно. Когда опиралась на его руку – случайно коснулась грудью. Сиськи большие, мягкие. А главное: правда москвичка! Своя квартира – в двух кварталах.

Пока шли, Ваня выведал: пьет с горя. Любимый сын погиб. Совсем недавно, весной. «И осталась я одна-одинешенька, сижу в пустом доме – куда деться, не знаю», – причитала Галина Петровна.

Айдаров было совсем воспрянул, но быстро выяснилось: насчет полного одиночества дама слегка лукавит. К двухкомнатной жилплощади прилагался еще один сын – придурочный, но, по счастью, не буйный. Зовут Ярик. Вечно сидит в своей комнате, молодоженам (а Ваня с Галей настоящий медовый месяц устроили, с безудержным сексом) особо не докучает.

– И жили бы мы счастливо, но одна беда, – рассказывал Иван, – Галка, после смерти старшего, малость умом тронулась. Никак не могла принять, что сына нет больше. Постоянно искала, кто в его смерти виноват, – особенно когда выпьет. То Филя какой-то, то два сыщика долбанных – козел и проститутка.

Взглянул лукаво:

– Это, наверно, вы и помощница ваша.

Я промолчал.

Айдаров продолжил:

– И балерину Ольгу прикладывала. Вроде та – гадина – Федора сама спровоцировала, а потом он, чтоб не посадили, с собой покончил. Что там у них случилось-то?

Я не счел нужным скрывать:

– Федор вместе со своим другом – тем самым Филей – Ольгу убить пытались. Как нежелательного свидетеля. Ударили по голове, в реке топили. Не сомневались: она умерла. Не знали, что в холодной воде смерть наступает не сразу. И не догадывались, что Ольгу успели вытащить и реанимировать. Когда Федор узнал, что девушка жива и дает против него показания, – выпрыгнул из окна. Не хотел в тюрьму идти.

– Вот оно как... – Иван покачал головой. – Галка в подробности не вдавалась. Я-то думал: там ревность, любовь-морковь, может, трахнул, а она потом в полицию заявила...

Он встряхнул головой и решительно добавил:

– Но Галочка моя еще по одной причине на балерину злилась. В нее ж Ярик, инвалид несчастный, влюблен был. Знаете?

– Знаю.

– Вот и Галина знала, – вздохнул Иван. – Сам парень, ясное дело, ей не рассказывал, но она баба дотошная. Проследила за ним. Выяснила, к кому ходит. Разозлилась ужасно. Орала: «Эта стерва Федьку убила, а ты ей задницу лижешь». Ярик ее не слушал, я тоже думал: «Поорет, да успокоится». Но дальше – хуже. Парню ведь пенсия положена как инвалиду. И раньше, я так понял, мать за него деньги получала и сама ими распоряжалась. А тут он вдруг их потребовал. И сумму точную откуда-то узнал – прямо так и сказал: «Мама, отдать мне мои двадцать тысяч триста двадцать рублей». Галка распахнулась. Но Ярослав (хотя с виду дурак дураком) повел себя по-умному. Знай себе, бубнит: «Отдать по-хорошему. Деньги мои. Я в опеку идти. Жаловаться». Моя бесится, орет: «Это тебя Ольга накрутила!»

– Ну, а я, – Иван не без гордости улыбнулся, – всегда вижу, когда спорить бесполезно. И влияние на Галину имею. Так что смог убедить: базарить без толку. Деньги по закону правда его – пусть и забирает. Галка в итоге согласилась. Смирилась. Но злобу затаила. Без копейки-то неудобно. С работы она ушла, доходов никаких.

– Вы, что ли, ее впроголодь держали?

– Продукты покупал. Квартплату вносил. На колготки там, помаду – все, короче, что нужно, – приосанился Айдаров. – Но ей еще на водку требовалось. Поэтому я строго: в магазины только вместе, а лично ей в руки – ни рубля. Радовался: вроде не пьет. Но однажды – уже в июле – вдруг замечаю: из серванта хрустальная ваза исчезла. А из спальни – часы каслинские. Сначала думал: продала, чтобы на выпивку хватило. Но пьяница деньги заимел – сразу закинулся. А она – ходит трезвая. Да и имущество, я прикинул, тыщи за две сдать можно, это

как минимум. Что, думаю, затеяла? Пристал к ней: «Зачем продала, куда деньги дела?» Огрызается: «Вещи мои, куда хочу – туда и деваю».

Так и не выяснил.

А с Ярославом тоже что-то странное происходит. То ходил мрачный, лицо в пол, ногти грызет – а тут вдруг улыбаться начал. Я Галине говорю: «Что-то у твоего сына хорошее случилось». Она злится: «Плевать. Он мне теперь вообще не сын». Ну, тогда я за него взялся. Спрашиваю: «Ольга тебе, что ли, дала?» Он отвечает, очень серьезно: «Я очень просить, но Ольга не дать». – «Чего такой довольный тогда?» Он в ответ: «Я стать волшебником. И спасать царевну». И улыбается. Ну, думаю, о чем с тобой говорить, дурак. А однажды вечером он приходит такой довольный и говорит:

– Пожалуйста, давать мне чемодан.

Я совсем обалдел:

– Что тебе давать?

– Чемодан. Собирать вещи, уезжать от вас.

– Куда?

И он выдает:

– Я жить со Стелла. Она не очень красивая. Зато очень добрая. Я решил: буду любить ее теперь.

– А эта Стелла знает, что ты к ней жить идешь?

– Не знать. Но она меня не прогонит.

Я его остановить пытался, но Галина психанула:

– Пусть идет хоть к черту на рога!

– Он в беду попадет. Не пустит его к себе жить ни одна нормальная женщина!

– Да плевать.

Так и не остановили.

Собрал Ярослав чемодан и ушел. Я ждал – вернется. Нет. Дня через три только заглянул какие-то вещи свои прихватить, тогда я у него все и выпросил. Он сказал, что Стелле двадцать три, она живет одна и очень его любит. Я еще телефон этой дамы у него вызнал. На всякий случай. Но мы не созванивались и вообще никак не общались.

Айдаров улыбнулся:

– Нам вдвоем спокойнее.

– Что случилось вчера? – строго произнес я.

Автослесарь сразу поник:

– Да расскажу, от вас не отвяжешься. Вечером, в половину одиннадцатого, мы с Галкой сериал смотрели. И вдруг звонок дверной, как бешеный.

Зазноба моя перепугалась:

– Не открывай.

Но мне чего бояться? Отворил. На пороге Ярик. Лицо красное, злущее. Меня оттолкнул и сразу к Галке бросился. Вопит как бешеный:

– Мама! Зачем ты это сделать?!

Она в ответ:

– Ты что несешь?

Он ее за плечи схватил. Трясет. Шипит:

– Ты злая. Ты Оля хотеть убивать.

Она отбивается:

– Псих ненормальный! Кого убивать?! Я дома была! Никуда не выходила!

Но глаза, смотрю, забегали.

А он ее к стене отшвырнул. Крикнул:

– Трогать Ольга еще раз – я сам тебя уничтожить.

И вон из дома.

Она вслед кричит:

– Ты как с родной матерью! Я тебя кормила, обстирывала!

Но Ярик только дверью хлопнул. Убежал.

Галина в слезы. Я сразу к ней:

– Что ты натворила?

Она за свое: тебя, мол, не касается.

Но тут уж я на нее нажал – призналась. Что за вазу с часами три тыщи рублей выручила и двух алкашей с нашего двора наняла. Ольгин адрес им дала, велела пугнуть, как следует, и передать: это ей за Дорофеевых. Обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.